

КНИГИ АЛЬБЕРТА
САНЧЕСА ПИНЬОЛЯ,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВОМ
АЗБУКА

ПОБЕЖДЕННЫЙ
ГОРЕ ПОБЕЖДЕННОМУ

ХОЛОДНАЯ КОЖА
ПАНДОРА В КОНГО
МОЛИТВА К ПРОЗЕРПИНЕ

ИЗ ЧЕГО
СДЕЛАНЫ ИСТОРИИ

АЛЬБЕРТ САНЧЕС
ПИНЬОЛЬ

ИЗ ЧЕГО сделаны ИСТОРИИ

ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ
СТРУКТУРЫ
ПОВЕСТВОВАНИЯ

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 82.0
ББК 83.3
С 18

Albert Sánchez Piñol
LES ESTRUCTURES ELEMENTALS DE LA NARRATIVA
Copyright © Albert Sánchez Piñol, 2021
All rights reserved

Перевод с каталанского Нины Авровой-Раабен

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

В оформлении макета использованы материалы
© Shutterstock / FOTODOM / Hybrid_Graphics

ISBN 978-5-389-30379-9

© Н. Аврова-Раабен, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

И любовью наполнился океан.

*Клод Леви-Стросс.
Элементарные структуры
родства¹*

¹ «Элементарные структуры родства» («Les Structures élémentaires de la parenté», 1949) — первая книга французского антрополога Клода Леви-Стросса (1908–2009), написанная по мотивам его диссертации и посвященная брачным обычаям бразильских племен. Многие сформулированные в ней идеи стали основой нового направления — структурной антропологии. — Здесь и далее примечания переводчика, кроме отмеченных особо.

1

КОЛЕСА КОЛЕСЯТ

Эта книга не объясняет, как написать историю; она рассказывает о том, как пишутся все великие истории — и те, что уже написаны, и те, которые кто-то напишет в будущем, — и почему они увлекают миллионы и миллионы читателей. (Я перечитал эти строки, и меня чуть не стошнило от собственной наглости, но так оно и есть.)

Тогда почему я пишу эту книгу? В основном по двум причинам: для того, чтобы тем, кто начинает писать, не приходилось страдать так, как страдал я, и особенно для того, чтобы читатели получали в два раза больше удовольствия от чтения.

Когда вышла моя первая книга, сборник рассказов «Золотые века»¹, я был счастлив вдвойне. Подобно любому автору, я радовался, видя свое имя в книжных магазинах. (Сборник, как и следовало ожидать, прошел

¹ Рассказы из этого первого сборника Альберта Санчеса Пиньоля («Les edats d'or», 2001) вошли в книгу «Золотые века», по-русски опубликованную издательством «Астрель» («Корпус») в 2011 году, вместе с рассказами из второго сборника «Тринадцать печальных происшествий» («Tretze tristos tràngols», 2010).

незамеченным. Надо сказать, что обложка удалась на славу — попробуйте ее найти.) Но я был доволен не только поэтому: я думал, что, оказавшись в литературных кругах, смогу встретиться с моими любимыми авторами и задать им главные вопросы об их ремесле. Как возникает в воображении и создается из ничего хорошая история? Как они развивали свои сюжеты? Как правильно выстроить последовательность событий? Как должна начинаться и заканчиваться история, чтобы она захватывала читателя? Одним словом, я хотел, чтобы наши авторы помогли мне разобраться в этом столь важном, столь не поддающемся определению и одновременно таком конкретном предмете, как повествование.

Так вот, я был жестоко разочарован: в области теории повествования мои любимые авторы, мои герои-интеллектуалы оказались абсолютными профанами. Я могу это утверждать с уверенностью. Как говорят в нашем районе Гинардо¹, они буквально в этом не шарили. Мне удалось вытянуть из них только туманные рассуждения и довольно неопределенные общие слова. Некоторые авторы даже сознавались, что начинали писать роман... не зная, чем все закончится! Слушая их, я представлял себе архитектора, который начинает строительство храма, не имея никаких чертежей. Уверяю вас, некоторые встречи были незабываемыми.

Один автор, которым я восхищался, в ответ на мой вопрос о сути процесса повествования сказал, что он никогда не начинает писать до семи часов вечера. Я весьма любезно прервал его, потому что речь шла не об

¹ *Гинардо* — район Барселоны, где вырос автор.

этом. К тому времени я уже прочитал все написанное о привычках великих авторов. Некоторые не могли писать, если пили спиртное, а другие без спиртного писать не могли. Одни клали рукописи в ящик стола и не трогали их годами, прежде чем взяться за поправки, а другие начинали исправлять написанное буквально через час. Многим писателям для работы требуется монашеское уединение, а вот Диккенс писал за столом, одновременно беседуя с друзьями и родными. Но из всех этих историй я заключил только одно: литературный опыт в каждом случае индивидуален. Однако меня интересовала не форма творчества, а сама его суть.

— Я спрашиваю вас о другом, — уточнил я. — Как возникают идеи и как организовать их в повествовании, чтобы получилось выдающееся литературное произведение.

— А, вот вы о чем! — сказал он. — Мне очень жаль, но я ничего в этом не смыслю. — И с похвальной искренностью добавил: — Я никогда об этом не задумывался.

Если бы я спросил его, не приходило ли ему в голову, что у него на крыше водят хороводы стайки белых тараканов, он ответил бы с таким же выражением лица: «Я никогда об этом не задумывался».

Но бывали и ситуации хуже этой, гораздо хуже. Как-то раз я решился побеспокоить одного знаменитого, очень знаменитого автора театральных пьес и чрезвычайно почтительно задал ему свой вопрос.

— Я начинающий автор, — представился я. — Как вы, маэстро, автор многочисленных пьес, могли бы охарактеризовать каждый из трех актов произведения?

Он посмотрел на меня, как страус, которого спросили, почему он несет такие большие яйца, и произнес высокомерно и обиженно:

— Чтобы писать, вам не надо ничего знать об этих глупостях.

Его слова были мне непонятны. Почему мне не следовало разбираться в построении повествования, если я как раз собирался посвятить себя сочинительству? Что плохого может быть в желании познавать? Или подойдем к вопросу с практической точки зрения: если человек, пожелавший стать скульптором, может получить уроки скульптуры, а начинающий художник — живописи, почему будущим авторам внушают, что драматическое искусство непостижимо, в отличие от любой другой техники. Знаменитый драматург глупоко вздохнул, приблизительно как Гёте перед Наполеоном¹, и заключил:

— У одних есть литературный талант, а у других его нет. Пишите!

Пишите! Пишите! Вы представляете себе электрика, которому нет нужды разбираться в электричестве? Подключайте, подключайте! Вы представляете себе

¹ Иоганн Вольфганг фон Гёте встретился с Наполеоном Бонапартом в октябре 1808 года во время Эрфуртского конгресса, где, вообще-то, проходили переговоры Наполеона с российским императором Александром I и был подписан союзный договор между Францией и Россией, с тем чтобы Россия поддержала Францию в противостоянии с Великобританией. В Эрфурт съехалось множество видных европейских фигур, в том числе интеллектуалы, с которыми Наполеон встречался для придания себе веса. На встрече с Гёте он, в частности, критиковал «Страдания молодого Вертера».

1. Колеса колятся

брадобреев, которых никто не обучал обращаться с ножницами? Стригите, стригите! Вам надо просто стричь!

И наконец, мне припоминается один знаменитый автор бестселлеров. Он не только был писателем, но к тому же слыл интеллектуалом. Должен признаться, я ожидал услышать от него много полезного и поэтому заранее договорился с ним о разговоре на эту тему.

Великий интеллектуал! Ха, ха и еще раз ха! Судите сами.

Когда я принялся его расспрашивать, он возвел глаза к небу, а потом с большим трудом выдавил:

— Повествование — это... повествование — это... писать слова, одно за другим.

Таково было блестящее умозаключение нашего великого мыслителя: «Писать слова, одно за другим».

Однако должен вам честно признаться: по сути дела, я сам был во всем виноват. Писатель — это писатель, а не теоретик литературного творчества. Я спрашивал у колеса, что такое движение, а колеса не обдумывают законы физики, колеса колятся.

И тем не менее вопрос оставался открытым: что же такое повествование?

«Простое вязкое вещество»

Самое удивительное, что теории повествования было посвящено очень мало серьезных размышлений. Безусловно, таковые были. Некоторые великие умы, начиная с Аристотеля, иногда высказывались на эту

тему¹. Однако повсеместному распространению рассказов и повествований в человеческих сообществах никак не соответствуют весьма малочисленные и довольно нескладные интеллектуальные экскурсии на эту тему. Почему так происходит?

Ответить на этот вопрос нелегко. Если мы сложим все виды экономической деятельности, которые связаны с повествованием (миры книгоиздания, театра и аудиовизуальных искусств), перед нами будет третья или четвертая по значимости индустрия планеты. Наша книга посвящена словам, а не цифрам, но любому ясно, что основа любой пьесы или романа — это их сюжет, а основа любого голливудского фильма или телесериала — их сценарий.

Тогда почему же в период турбокапитализма, когда решающую роль во всем играют деньги, не возникло желания лучше понять суть явления, которое определяет одну из самых важных областей экономической деятельности? Представим себе на минуту, что автомобилестроение никогда не заинтересовалось бы химическим составом нефти или ограничилось бы тем, что описало ее как «простое вязкое вещество». Перед нами подобный случай, но мы не исключение в истории: Рим, завоевавший весь мир при помощи силы и жестокости, презирал гладиаторов.

Есть и другой аспект, гораздо важнее, чем экономический, и он определяет значимость повествования как явления: без него мы не можем жить. Вот именно

¹ Греческий философ Аристотель (384–322 до н. э.) посвятил теории драмы свой трактат «Поэтика».

так, каким бы странным ни казалось это утверждение. И хотя, согласно общепринятому мнению, истории представляют собой просто незначительный досуг, занимающий далеко не центральное место в нашей жизни, ясно одно: без повествований мы бы погибли.

Остановимся здесь на минутку.

Чтобы вы поняли всю чрезвычайную, исключительную важность повествования в человеческом мире, мне придется перефразировать Асанью¹. Президенту Испанской республики принадлежит полузабытое и одновременно знаменательное высказывание. «Достоинство Республики заключается не в том, что она делает людей лучше, — сказал он, — но в ином, более важном смысле: она делает их людьми». А теперь надо просто заменить слово «республика» на «повествование». Именно так. Вот что получается: истории не делают нас лучше, они выполняют более важную функцию — делают нас людьми.

Ибо, вопреки распространенному мнению, классики никого не делают лучше. Освенцим является тому доказательством, печальным доказательством. Фашистские чудовища, которые распоряжались в крематориях, обожали читать Гёльдерлина и Шиллера². Как ска-

¹ Мануэль Асанья-и-Диас (1880–1940) — испанский политический деятель и писатель, президент Второй Испанской Республики в 1936–1939 годах.

² Фридрих Гёльдерлин (1770–1843) — немецкий поэт-романтик, философ и переводчик, впоследствии оказавший огромное влияние на немецкую литературу XX века. Фридрих Шиллер (1759–1805) — немецкий поэт, драматург и философ, теоретик искусства, одна из ключевых фигур проторомантизма и романтизма.

зали бы в моем районе Гинардо: сколько бы книг мерзавец ни прочитал, он так мерзавцем и останется.

А вот пример обратного. В качестве антрополога мне повезло: я собирал материалы для работы среди представителей одного из самых жизнерадостных, абсолютно неграмотных и в то же время высокоморальных народов планеты — мбути, или конголезских пигмеев. Однажды, когда я углубился в леса Итури¹, мне встретилась незнакомая группа мбути. Они были вооружены копьями и сетями, потому что отправлялись на охоту, и смотрели на нас недружелюбно, и даже весьма недружелюбно. Меня сопровождала парочка конголезцев, и один из них вызвался вступить с незнакомцами в переговоры: «Не волнуйтесь, я сейчас все улажу». Он направился к мбути, сказал им несколько слов, потом вручил что-то и вернулся к нам.

— Я им доказал, что мы мирные люди, — пояснил конголезец.

Мы издали наблюдали, как мбути рассматривали какой-то прямоугольный кусочек картонки и с каждой минутой все больше нервничали и возмущались.

— Черт возьми, что ты им дал? — забеспокоился я.

— Ну я, конечно, подарил им образок с изображением распятого Христа. (!!!)

Неудивительно, что мбути негодовали! Я, по всей вероятности, был первым белым человеком, который им повстречался. И какое изображение эти люди увидели на моей визитной карточке? Неизвестного бедолагу, измученного, избитого и подвешенного на две

¹ *Итури* — провинция на северо-востоке Демократической Республики Конго, названная по протекающей там одноименной реке.

скрещенные доски. Мбути подошли к нам, сверля нас взглядами, и я уже решил, что меня вот-вот пронзят двадцать копий. Но нет, они не стали на нас нападать. Пигмеи бросили образок к нашим ногам и заявили, исполненные праведного гнева:

— Мы не знаем, что вам сделал этот человек, но никто не заслуживает такого обращения. Никто!

А потом просто ушли.

Можно ли представить себе более достойное поведение, более возвышенные чувства? А между тем я хочу напомнить вам один безусловный факт: мбути — это народ, не имеющий письменности. Они никогда не читали книг. Ни одной. Таким образом, Освенцим и пигмеи приводят нас к бесспорному выводу: классические авторы, культура или высокая литературная культура, уж как вам будет угодно ее обозначить, не делают нас лучше. В наше время спорить с этим могут только невежды или педанты.

Однако вернемся к Асанье: повествование не делает нас лучше — оно нас создает. В этом ключ ко всему.

Вспомните свое детство. Вы шли к пониманию мира, вашего мира, двумя важными путями: через истории, которые объясняли вам структуру мира, и через информацию о мире, облеченную в форму повествования. Повторяю, повествования не сделали нас добрыми и хорошими — они нас создали. И это самое главное, поэтому мы не можем жить без историй. Я не хочу вмешиваться в дискуссию, которую еще ведут на эту тему нейробиологи, поэтому просто приведу один пример.

Подумайте о снах: нашему мозгу необходимо видеть сны, и он делает это не просто для развлечения.

Тяга к повествованиям так мощна, так присуща роду человеческому, что каждую ночь мы сами себе рассказываем истории при помощи снов! И это настолько нам необходимо, что стоит закрыть глаза, как мы превращаемся одновременно в рассказчиков и зрителей. Перед нами важнейшая функция человеческого мозга: сны — это истории, которые упорядочивают события и наполняют смыслом мир и наш опыт в этом мире. А мир не может существовать без порядка, хоть какого-нибудь порядка; без него и жизнь становится пустой. Мы сходим с ума и умираем. Нам нужны истории, подобно тому как животным нужен корм. Наш мозг требует их от нас; если бы мы не видели снов, мы бы обезумели. И вот одно ужасное тому доказательство: палачи это знают. Одна из самых изощренных попыток заключается в том, чтобы прерывать сон жертвы и делать это в самые критические моменты, когда мозг погружается в быстрый сон и возникают сновидения. И снова вернемся к Асанье: если повествования создают нас, то без повествований мы разрушаемся. Звучит ужасно, но это именно так.

В «Из чего сделаны истории» мы ставим перед собой задачу понять устройство и смысл творческого процесса. Как создается хорошая история? Как надо построить историю, чтобы она могла считаться таковой? Что есть в конечном счете история?

Я сказал в самом начале главы и повторю сейчас: моя книга не объясняет, как написать конкретную историю, — она рассказывает, как создаются все книги, все фильмы, все сериалы, которые сопровождают нас по жизни. Все эти истории делают наш невероятно ужасный мир уютнее. По крайней мере чуть-чуть.

2

ПОЧЕМУ У ОДНИХ ЛЮДЕЙ ВОЗНИКАЮТ ИДЕИ, А У ДРУГИХ — НЕТ?

Однако начнем с самого начала. Чтобы написать историю, нам нужен сюжет и идеи. Откуда возникают идеи, из которых строится сюжет?

Любой человек, решив рассказать историю, неизбежно проходит два этапа. Первый этап — работа воображения, которое не должно ничем ограничиваться. Когда мы придумали историю, начинается второй этап процесса: нам надо изложить ее таким образом, чтобы она стала понятной и привлекательной для читателя или зрителя. Назовем первый этап «иррациональной частью» творческого процесса, а второй — «рациональной частью»¹. Но вторую часть невозможно понять без первой, поэтому я вам вкратце расскажу об иррациональной стороне творчества.

¹ В этой книге определения очень важны. А это значит, что вам нужно *быть начеку* и следить за тем, как употребляется каждое слово. В конце книги вы найдете словарь. — *Примеч. автора.*

* * *

Кем был первый человек, рассказавший выдуманную историю? Ответ: этим человеком был, скорее всего, первый представитель человечества.

Естественно, это лишь предположение, но нас подталкивает к нему важность повествования как явления: *Homo sapiens*¹ становится таковым с того самого момента, когда его мозг обретает способность фантазировать, а она связана с повествованием непосредственно.

Однако сосредоточимся на фактах, доказанных наукой.

Животные, в отличие от людей, выдуманных историй не рассказывают. Они могут использовать изобретательные приемы, например подражание, но этим все и ограничивается. Разница, самая главная разница, заключается в том, что люди развили уникальную способность переноситься из своего реального мира в иное измерение. Таким образом, определение *sapiens sapiens*² может звучать так: это единственное живое существо, которое умеет вступать в контакт с иными реальностями или, если вам так больше нравится, с иными измерениями реальности.

В таком случае надлежит спросить по-другому: а каким образом это происходит? Как мы находим кон-

¹ Человек разумный (лат.).

² *Homo sapiens sapiens* — неоантроп, или человек современной анатомии (лат.), подвид *Homo sapiens*, к которому относятся современные люди. В палеонтологии и антропологии термин используется для различения современных людей и более древних представителей вида *Homo sapiens*.

2. Почему у одних людей возникают идеи, а у других — нет?

такт с реальностями, отличными от нашего обыденного и земного мира? Чтобы ответить на этот вопрос, нам следует обратиться к науке, на первый взгляд весьма далекой от повествования, — к социальной антропологии.

Мне вспоминается, что в студенческие годы я часто ходил на лекции филологического факультета вольнослушателем. Это казалось вполне логичным: я хотел стать писателем, и филология представлялась мне областью знания, наиболее близкой к искусству повествования. Я глубоко ошибался. На филологическом факультете учат не писать, а читать и понимать тексты и их авторов в соответствующем контексте. А для меня это, к сожалению, было совершенно бесполезно. Парадокс в том, что удовлетворить мое любопытство будущего писателя больше всего помог именно тот факультет, на который я поступил.

Дело в том, что антропологи поставили перед собой центральный для психологии повествования вопрос, а именно: какие механизмы придумали люди, чтобы установить контакт с иными реальностями? И благодаря антропологам мы имеем ответ: существует два механизма. (И только два.) Давайте разберемся и не будем спешить.

Первый, и самый древний, — это шаманизм. Что, по сути дела, представляет собой шаманизм? Очень просто: это процесс, позволяющий некоторым людям покинуть собственное тело и на-

Что, по сути дела, представляет собой шаманизм? Очень просто: это процесс, позволяющий некоторым людям покинуть собственное тело и наладить контакт с иными реальностями.

ладить контакт с иными реальностями. И больше ничего¹.

Первые признаки шаманизма мы находим в Сибири приблизительно триста тысяч лет назад. (Даты в разных археологических исследованиях варьируются.) Он был наследием небольших групп охотников-собирателей, которые продвигались на восток и, преодолев Берингов пролив, колонизировали Америку. Поэтому все коренные народности от Сибири до Патагонии практикуют шаманизм.

Шаманизм — это грандиозное открытие, но в то же время он вызывает у нас двойственные чувства. С одной стороны, мы не можем не восхищаться этим потрясающим событием: кто-то должен был стать первым человеком, сумевшим покинуть собственное тело. Кому-то удалось освободить сознание от самого себя, чтобы отыскать нечто недоступное, несказанное! Первый шаман совершил путешествие в некое фантастическое — в самом прямом смысле этого слова — место, вернулся в свое тело и рассказал своим сородичам о чудесных картинах, которые видел. После того дня мир изменился навсегда. Почему? Потому что первый шаман поведал нам, что есть иные миры. Это было неповторимое, основополагающее и изумительное событие.

¹ И пожалуйста, не бойтесь этого слова. «Шаманизм» — это термин, окруженный пеленой экзотизма, таинственности... и педантизма. Как я расскажу вам немного позже, все мы были шаманами в какие-то моменты нашей жизни, поэтому не страшитесь этого термина. — *Примеч. автора.*

Санчес Пиньоль А.

С 18 Из чего сделаны истории : Элементарные структуры повествования / Альберт Санчес Пиньоль ; пер. с каталан. Н. Авровой-Раабен. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 256 с. : ил.

ISBN 978-5-389-30379-9

Эта книга не объясняет, как сочинить историю. Эта книга рассказывает о том, как пишутся все великие истории — и те, что уже написаны, и те, которые кто-то еще напишет, — и почему они увлекают миллионы людей.

Почему мы так любим истории? Откуда они берутся? Как строится сюжет? Как рассказать историю, чтобы она подействовала, чтобы тебя поняли? С чего начать, чем закончить и — страшный вопрос — что должно быть в промежутке?

Если вы писатель, Альберт Санчес Пиньоль, автор блестящих романов «Холодная кожа» и «Молитва к Прозерпине», избавит вас от необходимости наступать на те же грабли, которые поначалу то и дело подворачивались под ноги ему. А если вы читатель или зритель, после этой книги вы будете получать от книг, кино и сериалов гораздо, гораздо больше удовольствия. Потому что вы научитесь понимать, как они устроены. Потому что, напоминает нам Санчес Пиньоль, «истории не делают нас лучше, они выполняют более важную функцию — делают нас людьми».

Используя свой опыт антропологических исследований и приводя огромное множество примеров — от сказаний африканского племени мбути до «Превращения» Кафки, от «Моби Дика» Мелвилла до «Челюстей» Спилберга, от «Дон Кихота» до «Игры престолов» (и это лишь несколько пунктов из огромного списка), — он раскрывает секреты устройства всех историй, которые делают наш невероятно ужасный мир хоть чуть-чуть уютнее.

Впервые на русском — и с дополнительной главой, написанной автором специально для русскоязычных читателей!

УДК 82.0
ББК 83.3

АЛЬБЕРТ САНЧЕС ПИНЬОЛЬ

ИЗ ЧЕГО СДЕЛАНЫ ИСТОРИИ ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ СТРУКТУРЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Редактор Екатерина Гадаева
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректоры Дмитрий Капитонов, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.09.2026.
Формат издания 60 × 84 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 14,88. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

Y-NFF-39541-01-R